

вверх по Двине. Согласно нашему предположению, изложенному выше, нападение польско-литовских отрядов на Устюг могло произойти до организованного похода их в составе шведских войск к Белому морю. Н. Ардашев пишет, что с сентября 1612 г. до апреля 1614 г. черкасы прошли всю Северную Россию, причем обошли многие города и посады: Вологду, Тотму, Вельск, Сольвычегодск (и Устюг?) — по одному направлению. Оттуда через Каргополь, Тихвин, Белозерский уезд прошли на Вытегру и, обойдя Турчасов, Емецкое, Холмогоры, Архангельск, Неноксу, Уну и Лузу, достигли Олонца.¹⁶

Все вышесказанное убеждает нас в том, что факт осады Устюга польско-литовскими войсками в 1613 г. вполне историчен, а сообщения «Повести» о ходе обороны и разгроме врага достоверны.¹⁷

Из последней части «Повести» мы узнаем о времени создания и освящения Варлаамовской церкви в Великом Устюге. Сам факт создания церкви мало интересен и исторически значим, но для автора «Повести» этот факт, явившийся следствием (в действительности или по замыслу автора — сказать трудно) предшествовавших событий, послужил одной из побудительных причин, обусловивших создание «Повести». «Повесть» можно было бы назвать храмовой легендой, если бы значение фактического материала в этой легенде и обширное вступление не выходили за узкие рамки ее идейного содержания. Сам автор свое произведение называет «Повестью о избавлении града Устюга Великого»; какое значение он вкладывает в понятие «избавление», мы узнаем из дальнейшего текста «Повести». По мысли автора, «избавление» Великого Устюга от врагов было не столько результатом патриотического подъема устюжан и умело организованной обороны города, сколько результатом божьей милости, оказанной устюжанам за добросовестное выполнение ими христианского долга. Прославление всемогущего бога, православного русского христианства в противовес «безбожным» «литве» и «черкасам», необходимость всеобщей покаянной молитвы, трактовка создания храма в честь Варлаама Хутынского как благодарность богу за оказанную милость — вот основные идеи, которые пронизывают всю «Повесть». Эти сугубо религиозные идеи, а также насыщенность «Повести» пространными молитвами и элементами таинственности (предсказание, видение, загробные беседы св. чудотворцев) в литературном плане роднят нашу «Повесть» с произведениями житийной книжности. Не удивительно поэтому, что в более позднее время, как это было показано выше, составителю Жития Прокопия почти без изменения текста удалось из светской повести сделать житийное «Чудо». Таким образом, в «Повести о избавлении града Устюга» сочетаются характерные для повестей начала XVII в. тенденции правдивого изображения исторической действительности с художественным вымыслом житийного типа.

С другой стороны, содержание «Повести» и время ее создания, связанные с событиями «Смуты», позволяют произвести сравнение ее литератур-

¹⁶ Н. Ардашев. Поход черкас. — ЖМНП, т. 317, 1898, стр. 261 (Устюг назван под вопросом).

¹⁷ Примечательно также, что в более позднее время, т. е. в XVIII столетии, сами устюжане с доверием относились к фактам, сообщаемым «Повестью» и заимствованным из нее автором «Чуда». В северном углу Варлаамовской церкви, на ее западной стене, сохранилась полустершаяся надпись XVIII в., рассказывающая об истории создания этой церкви: «в лето от Р. Хр. 1613 года января 25 дня было нашествие на град Устюг польских и литовских людей: в то время некоторый монах Левкий советовал гражданам соорудить церковь препод. Варлааму Хутынскому для того, что был Прокопию Праведному собеседник и учитель ве...», а ниже: «начаша церковь... и недокончали по той... телей церковь достроили» (А. Попов. Варлаамовская церковь, что в городище в г. Устюге. — Вологодские губернские ведомости, 1881, № 21—22).